

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Техникум

Всего в школе Владимир проучился три года, но поскольку много занимался сам, то уровень подготовки у него был достаточно высокий для поступления в вуз. По радиоспециальности, о которой мечтал Владимир, готовили в МВТУ, но туда принимали только лиц рабоче-крестьянского происхождения, после рабфака, а у Владимира в анкете значилось «из дворян».

В их семье никогда не кичились своим происхождением, не выставляли его напоказ, но и не скрывали, как это делали многие в то время, поскольку принадлежать к этому сословию стало очень опасно. Трудно сказать, была ли это гордость за свой род и желание не предавать память предков, которые были достойными людьми, или просто честность перед собой и людьми. Скорее всего, и то и другое. Можно сказать однозначно, что это не было вызовом. В семье Котельниковых придерживались либеральных взглядов, но не примыкали ни к одной партии, были скорее аполитичны, — погружены в науку. Конечно, это чудо, что все обошлось благополучно. Судьба как бы оберегала их.

Техникум. В 1925 году Владимиру пришлось пойти в Техникум связи им. Подбельского. Техникум находился на той же улице, где жили Котельниковы, — Большой Гороховской, в доме № 16.

В прошлом в этом здании находилась Елизаветинская женская гимназия, которая была при Институте благородных девиц им. Императрицы Елизаветы. В 1919 году это здание было выделено для размещения в нем нового учебного заведения, объединившего в себе Телеграфную школу и вновь созданную Радиошколу. В 1920 году оно было преобразовано в Электротехникумом народной

связи имени В.Н. Подбельского — комплексное учебное заведение, в которое входили и техникум, и институт. В 1921 году он был переименован в Московский электротехнический институт народной связи имени В.Н. Подбельского. В 1924 году в стране проводились реорганизация и укрупнение существующей сети высших учебных заведений. В результате Московский электротехнический институт народной связи вошел в состав электротехнического факультета МВТУ, образовав отделение слабых токов. Здание на Большой Гороховской улице было передано Техникуму связи им. В.Н. Подбельского.

После первого курса у студентов техникума была практика — они работали в мастерских, изучали азбуку Морзе и практиковались в передаче и приеме телеграфных сообщений.

В 1926 г., как раз когда Владимир заканчивал первый курс техникума, в МВТУ был объявлен «открытый» прием.

В каникулы Александр Петрович решил отправиться с семьей на пароходе по Волге и таким образом совместить отдых детей с подготовкой Тани к поступлению в МВТУ на химический факультет. Он почему-то считал химию наиболее подходящей специальностью для женщины. Таня была не очень сильной ученицей, и, чтобы она смогла выдержать вступительные экзамены, с ней надо было позаниматься. Александр Петрович списался со своим бывшим студентом, выпускником Казанского университета Борисом Андреевичем Остроумовым, который жил в Нижнем Новгороде и работал в Нижегородской радиолаборатории, и попросил купить им билеты на пароход от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно.

До Нижнего Новгорода они добрались на поезде. Там их встретил Борис Андреевич, вручил билеты, поводил по городу, рассказал о своей работе в радиолаборатории. А когда узнал, что Владимир интересуется радио и учится в техникуме связи, подробно расспросил его, что он уже освоил, чем интересуется и подарил ему тетрадь для записи. Потом посадил их на пароход, и они отправились путешествовать. Так состоялось первое знакомство Владимира с Остроумовым, которое в дальнейшем сыграло очень большую роль в его судьбе. Борис Андреевич, фактически, стал его первым наставником в радиотехнике.

На пароходе все было очень интересно. Ребята плыли впервые. Природа вокруг замечательная — открывались прекрасные виды, особенно красиво было на закате. На остановках они выходили, купались в Волге, ходили на экскурсии, осматривали достопримечательности. Когда пароход плыл, папа занимался с Таней. А Володя с Севою лазали по пароходу, исследуя все закоулки, подробно изучая, что где находится, как устроено и как работает. У них с собой были книги и, когда им надоедало изучать пароход, они читали. Володя быстро прочитал то, что взял с собой, и принялся за учебники, по которым папа занимался с Таней. Просмотрев их, он убедился в том, что все это он уже знает, и решил, что нечего ему терять время в техникуме, — надо поступать в МВТУ.

МВТУ—МЭИ

Императорское московское техническое училище, созданное в 1830 г. по указу императора Николая I (ИМТУ, после 1917 г. — МВТУ), является старейшим в стране высшим специальным учебным заведением, выдвинувшимся к 1868 г. в ряд ведущих политехнических школ Европы.

В 1895 г. (год изобретения А.С. Поповым радио) ИМПУ ходатайствует перед Министерством народного просвещения о средствах на строительство

физико-электротехнической лаборатории, впоследствии названной институтом и положившей начало электротехническому, а затем и радиотехническому образованию в Москве.

Началом радиотехнической научной и образовательной школы МГТУ считается обращение в 1917 г. Морского ведомства царской России с предложением организовать в училище подготовку специалистов по радиотехнике.

Основной курс радиотехники в 1919–1929 гг. читал профессор М.В. Шулейкин (1884–1939) [1933 — чл.-корр.; 1939 — академик АН СССР].

В 1926 году Владимир Котельников в возрасте 18 лет поступил в МВТУ на электротехнический факультет, а сестра Таня — на химический.

Большинство студентов института и группы, в которой он учился, были значительно старше Владимира, они поступили после рабфака и техникума. Принятых по свободному приему в группе было всего несколько. Их группа состояла из 15 человек. И среди них была только одна девушка — Нина Дрейер. Она поступила после техникума и была старше Володи на 5 лет. Умная, симпатичная и очень «боевая» особа — душа компании, инициатор и главный организатор всех «культурно-массовых» мероприятий их студенческой жизни. Конечно, все ребята группы были в нее влюблены. Почти до последних дней своей жизни она практически регулярно собирала их группу по случаю чьего-нибудь дня рождения, юбилея или еще какого-нибудь события.

Подготовка у многих была довольно слабая. Владимир был одним из самых сильных студентов в группе. В то время (до 1932 г.) в высшей школе и техникумах был бригадно-лабораторный метод обучения. Студенты разбивались на небольшие «бригады» по 5–6 человек. Комплектовались они так, чтобы в каждую «бригаду» входили студенты с разной степенью подготовки, с тем чтобы сильные подтягивали слабых. Владимир с готовностью помогал более слабым студентам, причем делал это очень тактично, не подчеркивая своего превосходства, за что его все очень уважали и любили. Экзамены отсутствовали, сдавались коллективные зачеты. Защита дипломного проекта была заменена производственной практикой.

В Володиной бригаде, кроме него, были Нинка Дрейер (Нина Львовна Дрейер), Сашка Масев (Александр Иванович Моисеев), Женька Каменский (Евгений Иванович Каменский), Сергей (Сергей Николаевич Стоянов)... (Много позже, в 1989–1990 гг., Нинка вспоминала: «было очень здорово — Володя все решал, а мы у него списывали, правда, потом он нам все объяснял».) Учиться было легко и интересно. Они были молоды, жизнерадостны, энергичны, увлечены радиотехникой, живо интересовались последними достижениями науки и техники, обсуждали их, спорили. Володя жил недалеко от института, и чаще всего они собирались у него дома, на Гороховской. К ним часто присоединялся и Сева. Успевали бегать в кино, на выставки, в театры, на футбол, играть в теннис, кататься на лыжах..., словом — жизнь кипела.

Владимир много занимался сам, посещал только те занятия, которые считал интересными и полезными, в остальном предпочитал разбираться по книгам. Потом он со смехом вспоминал, что вынес из одного из основных курсов — «Экономики связи». На одной из лекций было сказано следующее: «Связь в будущем должна отмереть, поскольку повсеместно будет введена система жесткого планирования, все будет предопределено, и необходимость в телеграммах и радиосвязи отомрет».

Параллельно он слушал лекции в МГУ и прошел, практически, всю программу физико-математического факультета. Лекции проходили в большой двусветной аудитории амфитеатром физмата, который в то время располагался на Моховой улице (в здании, где теперь находится Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова (ИРЭ РАН)). В то время на физмате читал лекции Л.И. Мандельштам. Его лекции Владимиру нравились, только его тогда удивляло, «зачем так сложно объяснять такие простые вещи?»

Дома у папы часто бывали друзья и коллеги по работе, обсуждались разные интересные научные проблемы. Володя нередко присутствовал при беседе и принимал в ней активное участие. Так он познакомился с геометрией Лобачевского, теорией относительности и многим другим. Часто бывал известный математик, профессор Александр Васильевич Васильев, папин учитель по Казанскому университету. Как-то они с папой обсуждали какие-то вопросы геометрии Гилберта. Володе было очень интересно, и он задавал много вопросов, стараясь понять суть этой геометрии. После чего Александр Васильевич подарил Володе экземпляр вышедшей под его редакцией перевода книги Д. Гилберта «Основания геометрии» с дарственной надписью: «Дорогому В.А. Котельникову на добрую память и в благодарность за добрую помощь». Далее следовала подпись А.В. Васильев и дата — 22 апр. 1927.

В 1930 г. в возрасте 22 лет Владимир блестяще окончил МЭИ, выделившийся к тому времени из МВТУ. (Фактически же он окончил еще и физмат МГУ.)

Московский энергетический институт был организован в 1930 г. — путем слияния Электротехнического факультета МВТУ им. Баумана и Электропромышленного факультета института Народного хозяйства им. Плеханова и был расположен поэтому в трех районах Москвы — в бывших помещениях МВТУ — на улице Б. Коровий брод (2-й Бауманской), на ул. Б. Гороховской д. 29 (ул. Казакова) и в помещениях Института им. Плеханова в Стремянном и В. Строченовском пер. (около Павелецкого вокзала).

В МЭИ в те годы существовало лишь шесть факультетов, в которых обучалось всего около 2000 студентов. На факультете Электросвязи сначала было три специальности — «Радиотехника», «Проводная связь» (телефония и телеграфия) и «Сигнализация, централизация и блокировка на железнодорожном транспорте» (СЦБ). Однако, с 1932 г. и в дальнейшем прием производился только на специальность «Радиотехника». Поэтому фактически можно считать 1932 г. первым годом существования радиофакультета МЭИ.

Их выпуск 1930-го года был особый. Они — студенты, поступившие и учившиеся в МВТУ, в последний момент «превратились» в выпускников другого института. Как инженеры они родились вместе с МЭИ. Их выпуск был как первый крик новорожденного института, еще не вставшего на ноги, но уже громко заявившего о своем вхождении в самостоятельную жизнь.

В дальнейшем МЭИ сыграл огромную роль в судьбе Котельникова. Помогая ему продвигаться по выбранному пути, институт, порой вопреки желанию Владимира Александровича, изменял намеченный им курс. Более чем 75 лет жизни Владимира Александровича будет связано, в той или иной степени, с Московским энергетическим институтом.

Все, кто общался с Владимиром, — его преподаватели, друзья и коллеги отца, а позже его коллеги по работе, отмечали, что он обладал исключительными способностями, умением проникать в суть проблемы, эрудицией, научной интуицией и «чудовищной работоспособностью».

Распределение

Владимир Котельников окончил институт, получил «Свидетельство» об окончании от 8 июля 1930 г. (тогда вместо диплома выдавали такой документ), и теперь ему предстояло распределение. Владимир уже давно решил, что постарается распределиться в ЦРЛ (Центральную радиолaborаторию), в которой дважды проходил практику.

Центральная радиолaborатория была организована в 1928 году из переведенной в Ленинград Нижегородской радиолaborатории.

Нижегородская радиолaborатория была уникальной организацией. Она была организована в 1918 году по прямому указанию Ленина, и в дальнейшем он лично ее курировал. «По творческой атмосфере, царившей в Нижегородской радиолaborатории в 1918–1927 годах, по широте и результативности исследований ее впору сопоставлять разве что со знаменитой Bell Laboratories в США, которую принято считать самой результативной научно-производственной организацией в мире.

В НРЛ задача ставилась и решалась комплексно: в первую очередь, формулировалась широкая практическая задача, и по ходу ее решения ставились фундаментальные научные вопросы. Не было разделения на фундаментальную и прикладную науку — исследователи были и учеными, и инженерами одновременно» [по материалам Музея науки ННГУ].

Первый раз практику Владимир проходил после первого курса в 1927 году в Нижегородской радиолaborатории. А получилось это так. После первого курса студентов МВТУ отправляли на сборы в военные лагеря, а Володю туда не взяли, сочли его непригодным для прохождения воинской подготовки — он был слишком маленьким. Вырос он только на втором курсе. Лето оказалось свободным, и он попросил отца выяснить у его бывшего студента Б.А. Остроумова, работавшего в Нижегородской радиолaborатории, — нельзя ли поработать там во время каникул. Оказалось, что это возможно. Заручившись направлением из МЭИ, Владимир отправился в Нижний Новгород. Это была его первая такая дальняя самостоятельная поездка.

В Нижнем Новгороде Володю встретил Борис Андреевич Остроумов и отвез к себе домой, где и поселил его на время практики. Семьи своей у Бориса Андреевича не было (то ли вообще, то ли была в отъезде) и жил он с какой-то старушкой (может, мамой, а может, с какой-нибудь тетушкой) в доме, который находился рядом с Лабораторией. Утром Володя с Борисом Андреевичем отправлялись на работу, а возвращались домой, обычно, поздно вечером. В выходные гуляли по городу, ходили купаться. Борис Андреевич рассказывал очень много интересного.

Остроумов был замечательным человеком, талантливым физиком-экспериментатором, инженером. Знал он все: что и как сделать, что чем склеить, спаять, мог изготовить сложнейший прибор, блестяще проводил самые «хитрые» и тонкие эксперименты. В Лаборатории он пользовался большим авторитетом. А звали его сотрудники «Борода», потому что он носил большую окладистую бороду.

Работа в Нижегородской радиолaborатории оказалась для Владимира очень хорошей школой. Там была сделана его первая научная работа «Тройной характерограф».

Сначала Борис Андреевич предполагал, что они с Владимиром будут изучать эффект Комптона (повторят опыты, проведенные им в 1922–1923 гг.).

Он рассказал Володе об удивительных результатах этих опытов, дал ему литературу, чтобы тот вник в проблему. Но неожиданно в лабораторию поступил срочный заказ от военных (от прожекторных войск). Им потребовался прибор, с помощью которого можно было бы исследовать однородность светового пучка прожектора. С этой целью было решено создать тройной характерограф. Выполнение этого заказа и поручили Владимиру. Борис Андреевич, конечно, помогал советами, но старался предоставить практиканту максимальную самостоятельность в работе. Для начала Владимир должен был сделать чертежи корпуса будущего прибора и отдать заказ на его изготовление в мастерские. После чего приступил к основной задаче — созданию самого прибора. Над разработкой, изготовлением и наладкой прибора пришлось потрудиться, но справился со всем этим он без особых проблем. В завершении Остроумов потребовал от Владимира, чтобы отчет о проделанной работе он оформил в виде статьи. Вот тут-то ему пришлось попотеть! Неоднократно Борис Андреевич, сурово раскритиковывая написанное Владимиром, отправлял его переделывать текст. Наконец, был принят вариант статьи «Тройной характерограф», который потом и был опубликован в журнале «Телеграфия и телефония без проводов» (№ 46, 1928 г.) [18].

Эффект Комптона Володю очень заинтересовал, и впоследствии он покупал и просматривал литературу по квантовой механике, которая его очень интриговала.

Там же в лаборатории Володя познакомился с очень симпатичным молодым человеком, который был постарше его лет на пять — Олегом Лосевым. Вид у него был болезненный, очень бледный, и в лаборатории говорили, что у него туберкулез. Работал Олег, вроде, лаборантом, и был очень увлечен своей работой. Он рассказывал Владимиру про изобретенный им «кристадин» и один даже подарил ему. Только у Володи с подаренным кристадином ничего не получилось.

А тем временем в мастерских выполнили Володин заказ. Изготовили, как ему показалось, изумительно красивый полированный деревянный ящик, в котором и должен был помещаться прибор. Когда его принесли в лабораторию, сотрудники подтрунивали над Владимиром: «И не жаль тебе портить такую красоту? Не страшно сверлить в нем дырки?» И действительно, сначала было очень страшно. Но лиха беда начало...

Когда характерограф был готов, практика закончилась; поскольку прибор необходимо было как можно быстрее доставить заказчику, Володя получил последнее очень ответственное задание — доставить прибор в Москву и передать непосредственно в руки генералу. Заказ военный, секретный, и Владимир, чувствуя большую ответственность, очень волновался. Приехав в Москву, он прямо с поезда со своими вещами и этим громоздким ящиком отправился по указанному адресу. Наконец нашел улицу, дом, квартиру генерала. Позвонил в дверь... А дальше все оказалось очень просто и обыденно. Дверь квартиры открыл какой-то мужчина и, узнав о «посылке», поблагодарив, спокойно забрал ее.

На том и закончилась его первая практика.

Второй раз практика проходила после третьего курса в 1929 году. Вся их группа была направлена в Ленинград, в Центральную радиолaborаторию, недавно образованную из Нижегородской радиолaborатории, и на радиозавод «Светлана». Лаборатория Б.А. Остроумова, в которую был определен Владимир, находилась на Каменном острове. Володе было предложено придумать и сделать устройство для определения интенсивности (мощности) высокочастотного излучения. Он придумал и изготовил устройство — «термометр». Это была стеклянная

трубочка, конец которой заворачивался колечком, образуя «рамку». Внутри ее вставлялась металлическая проволока (проводник) и наливалась цветная жидкость так, чтобы она заполняла рамку и немного прямого участка трубочки. Когда рамка помещалась в поле высокой частоты, в рамке образовывался электрический ток, жидкость нагревалась и, расширяясь, поднималась по столбику термометра. Его изделие очень понравился Остроумову. Термометр Владимир отградуировал, но срок практики закончился, и он так и не узнал (или забыл), использовался ли этот прибор в дальнейшем.

В Ленинграде Володя был в первый раз, и ему очень понравился этот замечательный город. На время практики их поселили в студенческом общежитии какого-то института, студенты которого разъехались на каникулы. По вечерам они ходили гулять по городу, в выходные ходили в музеи и галереи. Ездили в Петергоф. Володя хорошо запомнил, что в то время многие мостовые в Ленинграде были деревянные. Вымощены они были восьмигранными бревнышками, которые вбивались торцом в землю и плотно подгонялись друг к другу. Когда по такой мостовой ехала лошадь, то создавалось впечатление, что она играет на ксилофоне — цокая копытами по бревнышкам, она словно выбивала какую-то мелодию. Звук был замечательный.

В следующий раз в Ленинград он попал уже через много лет, во время войны.

Итак, предстояло распределение.

Котельникову как одному из лучших выпускников института было предложено остаться работать в МЭИ. Он отказался — хотел заниматься «делом»: разработкой и исследованием новой радиоаппаратуры. Преподавательская работа его не привлекала.

Места по распределению в ЦРЛ были, и у Котельникова, как у лучшего выпускника, были все шансы попасть туда. Но события приобрели неожиданный оборот. Как-то так получилось, что пока шли переговоры с руководством МЭИ — его уговаривали остаться в институте, он отказывался, все места в ЦРЛ оказались заняты. Остались только самые неинтересные варианты распределения, куда-то в глушь на чисто эксплуатационную работу. Никаких перспектив творческой инженерной работы! Словом, «повис в воздухе». Все уже были куда-то пристроены, а он не у дел!

В таком состоянии и застал Котельникова случайно наткнувшийся на него профессор И.Г. Кляцкин. «Котельников! Что вы тут делаете? Как ваши дела, куда распределитесь?» — с изумлением воскликнул профессор, увидев своего лучшего студента болтающегося по коридорам, в то время как почти все выпускники уже распределитесь и разъехались кто куда. Студенты очень уважали и любили Исаю Герцевича. Он очень хорошо читал курсы «Теория поля», «Передатчики», «Антенны» и замечательно вел семинары по «Основам электротехники». Именно на этих семинарах студенты постигали «Основы». (На лекции, которые иные профессора читали скучно и не очень понятно, они почти не ходили. Володя тоже пропускал такие лекции. Ему казалось, что гораздо интереснее и проще разобраться по книгам.)

Выслушав рассказ выпускника о его проблемах, И.Г. Кляцкин тотчас нашел решение. «Идите работать ко мне, в НИИС Красной Армии (НИИС РККА)!» Так и решили.

К работе Володя и его друзья должны были приступить только с осени. А до этого времени они были свободны.

Ребята решили поехать отдыхать в Крым.

Первая поездка в Крым (1930 г.)

ВАК: «Наконец, после всех перипетий с моим распределением, до сентября я был свободен. Севка и Таня где-то были по своим делам, а мы с ребятами решили поехать в Крым. Мы давно мечтали поехать на Черное море, о котором много слышали и читали, но никто из нас там не бывал. Замысел был такой: мы вчетвером — я, Масев, Женька и Сергей добираемся до Коктебеля, где находится дом отдыха МЭИ, там отдыхаем два или три дня, а потом где вплавь, а где пешком, купаясь и загорая по пути, доходим по бережку до Севастополя. Купили билеты, а путевок в наш дом отдыха нет! Тогда решили, что приедем, и на месте будет видно, что там и как. Там тепло, вещей с собой никаких не взяли, кроме обычной легкой одежды, которая была на нас.

Когда приехали и добрались до Планерского, то устроились в каком-то спортивном лагере. У нас были такие листочки, вроде путевок, которые можно было тогда получить в туристической организации. Это не настоящая путевка на какую-нибудь определенную турбазу, когда ты там должен жить и ходить с группой на экскурсии, а мог просто собрать свою группу, взять такую путевку, приехать и устраиваться на любых турбазах — там принимали. Может, правда, и без этого приняли бы, но у нас была такая штука. Так что мы были не просто дикари. Правда, когда получали этот листок, то надо было принести медицинскую справку.

Я тогда пошел к нашему “мэивскому” врачу. Он меня послушал и сказал:

— Нет, вам в Крым нельзя.

— Почему? — удивился я.

— А у вас сердце плохое.

Я стал его уговаривать:

— Так я же не буду там ходить пешком и по горам лазать. Я даже ничего не чувствую, ни одышки...

— Нет, нет, нет, — настаивал он — не болит, так будет.

Насилу его уговорил, сказав, что буду ездить на автобусах.

Так с этим сердцем и живу. Больших неприятностей не было. Были, конечно, потом, уже с возрастом проблемы... Начну бегать — одышка...

В спортлагере было весело, ребята, девчонки... Играли в волейбол, футбол... Но нам с Масевым это быстро надоело, и мы решили все же осуществить намеренное. Женька с Сергеем предпочли «оседлый образ жизни» и остались в лагере. А мы встали утречком и пошли по бережку. Идем, идем, идем по бережку и дошли до Карадага, а там пляж кончается, и скала прямо обрывается в море. Решили произвести разведку. Выплыли в море, чтобы видно было из-за мыса, что там творится. А там — горы идут нескончаемо. Оплыть их, конечно, не получится. Наш план рухнул. Тогда решили пройти через горы. Вернулись, взяли одежду и полезли на гору, на этот Карадаг. Лезем, лезем, смотрим — что такое? Горизонт исчезает. Буря собирается или что? А потом догадались, в чем дело. Когда находишься внизу, то видишь горизонт четкий, а когда на горку поднимаешься, горизонт исчезает. Внизу видно километров на 20, а там, наверху, на десятки километров удаляется касательная к морю, и горизонт уже в тумане, и поэтому не видно, где переходит море в небо. А сначала мы этого не знали и решили, что от этого явления нечего ждать ничего доброго. Но поскольку мы были уже на склоне, то решили, что надо быстрее лезть выше. Карабкались, карабкались изо всех сил, наконец, добрались

до тропы, которая идет поверху параллельно морю. Пошли по этой тропе. Шли, шли, шли, пока не дошли до Судака. Там переночевали на туристской базе, поели и пошли дальше. Так мы и передвигались — ночевали, где придется, на турбазах, снимали комнату или просто на улице, под открытым небом. Дошли так до Ялты, потом до Алушты, кое-где по берегу, а кое-где по дороге, потому что там по берегу не пройдешь, либо скалы обрываются в море, либо санатории перегораживают берег, так что по пляжам, как мы себе представляли, пройти не удалось. Дошли мы, должно быть, до Алупки. Наконец, нам надоело ходить по шоссе — дальше тоже по берегу пройти было нельзя. В Алупке у пристани стоял какой-то паровоидишко, груженный помидорами. Капитан согласился за небольшую плату довезти нас до Севастополя. И поплыли мы на этих самых помидорах... Это было какое-то небольшое судно, оно такое — там какая-то капитанская рубка, мотор, а остальное — открытая палуба, заваленная вся помидорами. Мы пристроились где-то с краешку и уселись прямо на помидорах. Часть помяли, часть, конечно, съели, но далеко не все...

Приехали в Севастополь, там отправились на турбазу, оформились по своим листочкам и несколько дней прожили — купались, бродили по городу. Потом нам это надоело, да и деньги уже почти все кончились, купили железнодорожные билеты и поехали в Москву. Всего мы с Масевым пропутешествовали недели две. В Севастополе было еще такое происшествие. Страшно голодные пошли мы в какую-то столовую и взяли борщ. Сделали первый глоток — ни вдохнуть, ни выдохнуть, слезы ручьем, все полыхает, как в огне — так страшно наперчен. А есть-то хочется. На другую еду денег уже нет. Едим дальше. Глотков через несколько уже перестали вообще что-либо чувствовать, так что борщ доели до конца.

Это была моя первая поездка в Крым».

С осени Владимир отправился на свое первое место работы.

НИИС РККА

Проработал Владимир в НИИС РККА (на должности инженера) всего около трех месяцев (с конца сентября 1930 г. до начала января 1931 г.). За это время он успел только оформить документы, получить платы для радиосхем, некоторые радиодетали, паяльник и ... замечание от начальника института (институт был «военным» и поэтому его возглавлял не директор, а «начальник»).

А случилось это так.

Институт находился в Сокольниках, и до него от улицы Казакова, где жил Владимир, путь был не близкий. Метро тогда еще не было, и добирался он на трамвае, а значительную часть пути шел пешком. Однажды утром, преодолевая уже последний рубеж на своем пути на работу, Котельников пробирался через немыслимо грязный институтский двор, бодро перепрыгивая через грязь и многочисленные лужи, почти сплошь покрывшие его территорию, и балансируя по камням, кирпичам и доскам, набросанным в обширный водоем, образовавшийся почти перед самым входом в институт. Навстречу ему из здания вышел какой-то человек в военной форме. Владимир, естественно, поздоровался. «А вы откуда здесь взялись? И что тут делаете?» — в ответ накинулся на него военный, с изумлением разглядывая лохматого молодого человека в мокрых грязных ботинках. Молодой человек спокойно представился и объяснил, что он недавно

окончил МЭИ и только что устроился на работу в этот институт. «А почему ботинки нечищенные?» — последовал строгий вопрос. Владимир сразу не нашелся, что ответить. На том они и разошлись. Потом выяснилось, что встретил Владимир «Ромбовое чудовище» — так сотрудники называли между собой начальника института, поскольку на погонах и в петлицах у него были «ромбы», что соответствовало генеральскому званию в царской армии. (После революции офицерство осталось достоянием «белых», а в Красной Армии были командиры и комиссары. Знаки отличия младшего командного состава были «квадраты», уровня старшего комсостава — «шпалы», а уровня генерала — «ромбы».) Вернувшись в свой кабинет, начальник института весь гнев обрушил на бедного профессора Кляцкина: «Безобразие! Ходят тут по территории института какие-то молодые сотрудники в нечищенных ботинках!» Профессор же, в свою очередь, будучи человеком деликатным, ограничился вежливым замечанием в адрес Владимира. Пришлось принять к сведению.

Работа инженера Котельникова в институте, однако, продолжалась недолго.

Однажды Исай Герцевич вызвал Владимира к себе в кабинет. Он рассказал ему об ужасной ситуации, в которой оказался. А случилось следующее. Когда в «Энергетическом» узнали, что Котельников работает у Кляцкина в НИИС Красной Армии, разразился ужасный скандал. Руководство института обвиняло Исаю Герцевича в том, что тот поступил очень непорядочно, «втихаря» сманив к себе лучшего выпускника, и требовало вернуть его в МЭИ, в аспирантуру. Извиняясь, профессор попросил Владимира вернуться в МЭИ. На этом и закончилась работа Владимира Котельникова в НИИС РККА.

Много лет спустя, через 73 года, академик Владимир Александрович Котельников написал в предисловии к книге, выпущенной к 80-летию юбилею НИИС РККА: «...Несмотря на то, что период моей работы в институте был не очень продолжительным, в памяти навсегда сохранилась эта моя первая работа после окончания Московского энергетического института. С тех пор я постоянно поддерживаю тесные контакты с военными связистами, которые призваны обеспечивать управление обороной страны».

Сам же институт имеет славную историю. Он стал одним из ведущих научно-исследовательских институтов Министерства обороны и в 2003 году праздновал 80-летний юбилей. Теперь он называется: «16-й Центральный научно-исследовательский испытательный ордена Красной Звезды институт имени маршала войск связи А.И. Белова Министерства обороны Российской Федерации». Среди своих сотрудников, которыми Институт особенно гордится, первым в списке упоминается вице-президент АН СССР, академик В.А. Котельников.

НИИС РККА (впоследствии Институт Военной Связи) создан в 1923 г.

В 1928 г. основная часть института (октябрь–декабрь) переведена с Красной площади в Сокольники в новое здание для опытной радиостанции.

В 1930 г. был утвержден Реввоенсоветом СССР разработанный институтом проект системы вооружения в области военной связи. Осуществлялась разработка и передача промышленности ротной УКВ-радиостанции 7-ПУ. Велись работы по совершенствованию телеграфного буквопечатающего аппарата системы Тремля.

Начато строительства новых помещений для института в г. Мытищи.

В 1930 г. начальником и военным комиссаром института (с февраля 1926 г. по май 1932 г.) был Бордовский Стефан Васильевич.

Бордовский Стефан Васильевич (1894–1938 гг.). Окончил пять классов реального училища. Служил в русской армии с 1914 по 1917 гг. (унтер-офицер). В РККА с 1918 г., участник Гражданской войны. С июля 1920 г. инженер, старший инженер УСКА. С февраля 1926 г. по май 1932 г. начальник и военный комиссар института. С мая 1932 г. по июнь 1937 г. заместитель начальника УСКА, заместитель начальника связи РККА, начальник Технического управления РККА. Дивинженер.

В июне 1937 г. арестован и в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

И.Г. Кляцкин — инженер, начальник отдела, зам. начальника института (1923–1938 гг.). Начальник кафедры, помощник начальника ВКАС, председатель НТК связи. Доктор технических наук, профессор. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Генерал-майор.

Коса репрессий основательно прошла по сотрудникам Института.

Сведения о начальниках НИИС РКА (НИИВТСС РККА).

Всего с 1923 г. по 2003 г. было 23 начальника института.

Из 10-ти первых начальников института (с 1923 по 1938 г.) были репрессированы 9 человек. Из них: 3 — расстреляны и посмертно реабилитированы; о дальнейшей судьбе 5-ти человек сведений не имеется; один был 15 лет в заключении, после чего реабилитирован.